

**Владимир
РУДАК**

г. Петрозаводск

Не заметил Селиванов, как возраст взял своё. Вроде только вчера симпатичные девушки улыбались в ответ, легко вступали в диалог. Приятно, когда основательно зрелый мужчина имеет такой вот успех. И верил он, что так оно и будет. Нет, конечно, когда-нибудь он обязательно состарится, но это «когда-нибудь» ещё так далеко, очень далеко. Как Владивосток, как приграничный северо-корейский Туманган. А сейчас он все ещё в обойме, в первых рядах, на авансцене с цветами! Но пораженческие мысли назойливее тропических насекомых. Жужжат, не дают спать, жалят в самое сердце.

«Они меня не замечают, не смотрят, да меня просто не существует. Я невидимка. Лицо помято, мешки под глазами, обсутулился».

Ещё заметил, что в лексиконе появились стариковские словечки, которыми раньше он никогда не пользовался, да и говорок полез откуда-то. Хочет с молодой женщиной диалог построить, а получается так, будто сказку детишкам рассказывает. И вроде понимает, что так нельзя, а все равно кривляется. Нет, если с ровесницей из пенсионного окружения, то пожалуйста, никем не воспрещается. Тут хоть крихти, сопи, жалуйся на боли в спине и в прочих местах. В этом случае тебя поймут, даже посочувствуют. Но ему не это надо, он хочет быть элегантным, притягательным, как голливудские пенсионеры. Вот они умеют держаться на плаву до глубокой старости! Очки с дымчатой поволокой, костюмчики, ботинки лаковые...

С утра Селиванов, поглядывая на часы, насвистывал запавшую в память мелодию. Принял витамины, поджарил яичницу с помидорами, заварил кофе, поймал на приёмнике молодёжную волну. Всё делал с удовольствием и вдохновением. Вчера поздним вечером, когда он понял, что уснуть не получится из-за назойливых мыслей о нагрянувшей старости, откинул одеяло, включил телевизор, чтобы создать присутствие кого-то еще в своей жизни. На экране бодрый дядька примерно его возраста, но с подтянутой фигурой и белыми зубами бойко рекламировал здоровый образ жизни и многофункциональный турник для установки в квартире. Мотивирующая речь

Нападающая Туча

рассказ

мужичка вызывала доверие у циничного Селиванова, он даже захотел дружить с этим, по всей видимости, честным и бескорыстным человеком. Ну, правда, в таком возрасте разве кто-то будет искать выгоду, врать и придумывать. Да видно же невооруженным взглядом, что Игнат Степанович сам тренируется и говорит дельные вещи. Селиванов нервно записал номер телефона, маячивший в углу экрана, от торопливости надорвал бумагу, ручка плохо писала, бумага от маффинов пропиталась жиром. Он как будто боялся, что все старые пердуны, страдающие, как и он, бессонницей, разберут чудо-турники, а сам ведущий уедет надолго в отпуск. А что, нет как будто? У него вон какие молодые подружки топчутся на заднем фоне, они с ним хоть на край света. А Селиванов таким образом просрёт свою вторую молодость! Он начал психовать, когда понял, что не может найти телефон. Подбрасывал подушки, вертел одеяло, шарил в карманах куртки в прихожей.

«Сука, сука, ***** полная! Ах, дружок ты мой дорогой, как я тебя не заметил!».

Телефон лежал возле телевизора. Селиванов аккуратно набрал номер, проверяя каждую цифру по бумажке. Ответил приятный женский голос, и Селиванов посчитал это знаком начала новой жизни! Всё! Никакой сутулости и понурости. Излучаем свет, мыслим и действуем активно, не ждём у моря погоды. Игнат Степанович как будто вылез из телевизора в комнату и начал жонглировать фразами, формирующими позитивное мышление. Елизавета, так звали оператора, сказала, что И.С. очень занят, не может лично подойти к телефону, находится в эфире, но не стоит отчаиваться, потому что она поможет оформить заказ. Её голос окутал Селиванова. Вот что значит сила воздействия позитивной мысли на расстоянии! Совершенно не знакомая ему Елизавета мурлычет с ним, флиртует, заигрывает. А будь он рядом, так она бы потеряла голову – факт!

Селиванов радостно вздрогнул от звонка телефона. Курьер уточнил номер квартиры и этаж. Он размашисто и уверенно расписался на подставленной курьером коробке, закрыл

дверь и, пританцовывая, отправился открывать омолаживающий тайник. Никакая спешка недопустима, действовать надо без суеты, приучать себя к тому, что штурвал корабля жизни в надёжных руках. Поставил коробку на кухонный стол, достал ножницы, разрезал скотч, развернул упаковочную бумагу, посмотрел на сложенные в ряд толстые трубы с креплениями, выдохнул и сел на табуретку.

Гудок паровоза за окном – рядом находилась товарная станция – распахнул занавес памяти, явив сознанию до боли знакомые декорации. Машинист всегда в движении, в пути. Да и власть, хоть небольшая, но есть. Как же всё быстро происходит: вчера ты молодой и прыткий, а сегодня тебя провожают на пенсию с почестями. Цветы, настенные часы и какая-то тонкая медалька за потраченные годы. Кому её показывать, эту железку? И почему пенсионерам дарят часы? Это что, намёк какой-то? Мол, сиди теперь дома, поглядывай, как тикают твои часики. Представьте, что надо перепрыгнуть через траншею с крокодилами, чьи зубастые пасти распахнуты в ожидании твоего неминуемого падения. Так вот и старость тебя поджидает, чтобы разом проглотить.

Уж больно мудрёная оказалась конструкция у этого турника. Так просто не повесишь и не начнешь омолаживаться. Селиванов уже несколько раз перебрал трубы и крепления, но так и не смог понять, как турник крепится к стенке. Сложности всегда заставляли его нервничать, особенно когда они возникали на пустом месте. Ну, казалось бы, чего тут мудрить? Повесил и занимайся в своё удовольствие. Откладывать физкультуру не хочется, с этого начинается путь в обратную сторону. Все неудачники знают, как гантели незаметно перемещаются на балкон или в кладовку, подальше с глаз. Нет, так дело не пойдёт!

Селиванов позвонил в телемагазин, оператор заученно проговорила, что пригласить к телефону И.С. нет никакой возможности. Он очень занят. Конечно, это я бездельник, которому нечем заняться! Селиванов нервно побросал трубы и крепления в коробку, обмотал её на скорую руку скотчем, быстрым шагом вышел из квартиры.

— Алина, спустись, пожалуйста, тут какой-то буйный требует кого-нибудь из телемагазина. Говорит, что не может разобраться с турником, — вахтёрша раздражённо грохнула телефонную трубку на рычаги аппарата.

— Я не буйный, я — за справедливость! — Селиванов поставил к ногам коробку с турником.

— Вы не кричите, у нас здесь телевидение. Так что не забывайте, а то заберут!

— Не заберут. Я здесь согласно своему праву потребителя. Продали товар, будьте любезны ответить на вопросы клиента. А то денежки хапнули, а обратной связи никакой!

— Успокойтесь, сейчас придёт Алина и всё вам объяснит. А пока отойдите с дороги, здесь сотрудники ходят.

Примерно через пять минут из лифта вышла девушка, и вахтёрша, глядя на неё, молча ткнула пальцем в сторону Селиванова.

— Давайте выйдем на улицу, — на ходу бросила Алина и уверенно толкнула перед собой тяжёлую дверь.

Селиванов подхватил коробку с турником, пихнул её под мышку, вышел следом.

— Я вас слушаю, — Алина достала из кармана лёгкой куртки пачку сигарет и металлическую зажигалку.

— Мне нужен Игнат Степанович, не могу разобраться с хитроумным механизмом крепления.

— Нет его, — коротко бросила Алина.

— Как нет? — Селиванов почувствовал, как неприятно занял желудок.

— Вот так. Нет. Ещё есть вопросы?

— Постойте, такой ответ меня не устраивает! По телефону его нет, на месте нет, зато в телевизоре есть. Это как понимать?

— В том-то и дело, что он теперь только в телевизоре и остался, — Алина откинула крышку зажигалки, высекла огонь, прикурила.

— Понятно, всё-таки укатил с девками на Мальдивы, — Селиванов вздохнул, прищурился, посмотрел в сторону. — Кому можно сдать это многофункциональное говно? — он тряхнул коробкой.

— Да какие девки, какие Мальдивы! Удавился ваш Игнат Степанович в коптильне! Между прочим, он мне денег должен был. И немало!

Ветер подхватил табачное облако и швырнул его в лицо Селиванова. Он даже закашлялся от неожиданности. Слова Алины никак не составлялись в единое целое, не вязались вместе. Это как баранки с сардельками нанизывать на одну веревку. Бодрый, загорелый, с хорошими зубами мужик удавился в какой-то коптильне. Нет, это всё равно, что сказать, будто Супермена скосила гонорей.

— Простите, у него была своя коптильня и он там случайно задохнулся? — Селиванову хотелось верить в нечто более возвышенное.

Ну а что, многие известные люди занимаются бизнесом. Вот, говорят, Ургант держит элитную прачечную для звёзд и нудистский ресторан в центре Москвы. Голые люди принимают пищу, сидя за панорамными витринами. Игнат Степанович, выходит, держал коптильню, сейчас в моде американская кухня. Мясо на решетке, ребра и прочие деликатесы.

— Вы только меня не выдавайте, мы бумаги у продюсеров всякие подписываем, если что — выгонят. А у меня кредит, — Алина нервно щёлкала крышкой зажигалки.

— Конечно! Я не балаболка какая-то, — Селиванов ещё никогда не чувствовал такой заинтересованности в сплетнях. Тоже, наверное, сказывается возраст.

— Тут недалеко, на соседней улице, есть коптильня «Загорелые курочки».

— Ага, знаю это местечко. Вывеска у них яркая, неоновая. Светится вечером красиво. И куры золотистые в пакетах фирменных.

— Вот Игнат Степанович там и повесился.

— Зачем? Я не понимаю, зачем, он же успешный телеведущий. У него такие зубы хорошие!

— Самые обычные виниры. В любой аптеке купить можно. Вы поймите, передача крутится по телеку в записи. Вы думаете, что он каждый день скачет в студии перед зрителями?

— Нет, но... Конечно, нет! — Селиванов верил, абсолютно и безоговорочно, что Игнат Степанович каждый день ходил на работу, но ему не хотелось выглядеть дураком.

— А денег ему не хватало, потому что любил гульнуть на полную катушку, вот и приходилось сторожем в коптильне подрабатывать.

— Надеюсь, его там прикармливали, — Селиванов почувствовал невероятную жалость

по отношению к Игнату Степановичу. Он представил его сидящим на овощном ящике в подсобке, с кусками курицы, разложенными на газете.

— Да, там хорошие ребята работают. Питание входило в социальный пакет.

— Молодцы какие, а ещё говорят, что молодёжь пошла плохая. А это неправда. Кормили же человека бесплатно курицей копчёной.

— Поймите, нет его больше. Остался только персонаж из магазина на диване, поэтому не имеет смысла сюда приходить. Я вам тоже ничем помочь не могу.

— Понимаю... Спасибо, Алина.

— Было бы за что. Ладно, извините, но мне пора на работу.

Алина бросила окурок в урну и скрылась за тяжелой дверью. Селиванов какое-то время постоял на улице, потом, заметив на углу многоэтажного здания телекомпании зелёный крест аптеки, двинулся в её сторону.

Ноги как будто сами привели его на родную товарную станцию. Эх, не может организм так быстро отвыкнуть от того, к чему привыкал годами. Проситься обратно на работу не позволяла гордость. Вот, говорят, Стоков, бывший напарник, заплатил кому надо, теперь сидит в конторке, за чем-то там приглядывает на мониторах. Но Селиванов не из тех, кто готов на унижения! Это как себя надо не уважать, что даже приплатить, чтобы тебя взяли на работу? Вот если бы совершить какой-нибудь подвиг, благодаря которому его бы вернули на работу, — это иной поворот. Ну, не в прямом смысле подвиг, но нечто героическое, и желательно, чтобы высокое начальство присутствовало лично во время совершения особого поступка. К примеру, приехал бы человек из руководства на осмотр товарной станции, а тем временем из гастролирующего цирка сбежала пума, нет, лучше гиена. И вот волею судьбы гиена оказалась на товарной станции, где и спряталась в одном из вагонов с турецкими коврами. Было там место укромное, может, не хватило ковров, чтобы забить вагон до отказа, а может, стащили по дороге. И дверь была халатно приоткрыта, куда гиена и проскользнула. Сидит за коврами, глазами зыркает в полумраке, рычит и

скалится. И тут человек из руководства говорит: «А дайте-ка я загляну в этот вагон. Чего это он открытый стоит? А?» Ну, понятное дело, Мастаков давай нести чушь, что это плановое проветривание, мол, ковры турецкие не любят спёртый воздух и замкнутое пространство, в общем, всё такое несёт. А человек из руководства не будь дураком, возьми да спроси, а почему тогда другие вагоны не проветриваются или там ковры другие, персидские? А? Все молчат. Человек из руководства резко дергает вагонную дверь и суёт внутрь голову.

Мастаков хитрый и скользкий тип. У него вся родня на этой товарной станции пригрета. Подбери окатыш, кинь не глядя, обязательно попадёшь в родственника или в приятеля Мастакова. Но всё он обставляет так, как будто не было никакой возможности обойтись без его выдвиненцев. Вот теща, к примеру, буквально спасла архивный отдел от полнейшего краха. Сложно представить, что там такое нужно было спасать. Он же никому не нужен, этот архив, всё давно в компьютерах хранится. Гоняет чай, смотрит телек, получает зарплату, вот вся спасительная миссия тещи. Вытурили Селиванова на пенсию, чтобы освободить местечко для очередного родственничка.

Именно в тот самый момент, когда гиена кинулась на грудь человека из руководства, и подоспел Селиванов. Набросив лассо на шею гиены, он резко дёрнул веревку на себя, отчего она, гиена, заскулив, упала к его ногам. Притихла, понимая, что сопротивляться бесполезно. Все только ахнуть хором успели. Селиванов величественно поставил ногу на тело гиены, подмигнул человеку из руководства и закурил сигару. Хотя нет, не надо курить, это безответственно и глупо. Ковбой выискался недоделанный. Подмигивать тоже не надо, это не к месту, и ногу ставить на гиену не надо. Спокойно и без выпендрежа передать верёвку служителю зоопарка, который оказался рядом, и сделать вид, что пора уходить, — дело сделано, больше тут пенсионеру ловить нечего. Конечно, все бросаются Селиванова благодарить, и когда человек из руководства узнает, что такой ловкий сотрудник был отправлен на пенсию, он приходит в недоумение, потом злится, кричит на Мастакова, что он

дебил, не умеет ценить кадры, требует уволить всех его родственников, а самому Мастакову предлагает отправиться в архив. Неожиданно перед Селивановым открываются новые возможности, его назначают руководителем товарной станции. Это, конечно, далеко не статус голливудского пенсионера, но и не на мусорный бак в монитор пялиться.

– Добрый день, вы, кажется, Селиванов, если я не ошибаюсь? – невероятно жалко так быстро расставаться с должностью начальника товарной станции, но не стоять же столбом, когда к тебе обращается фигуристая, несмотря на возраст, женщина.

– Да, всё верно. Он самый, – а вы Светлана Николаевна из бухгалтерии, так? – Селиванов сверкнул винирами.

– Это в прошлом. Сейчас я на пенсии, к девчонкам заходила. А вы – как, ещё трудитесь?

– Ушёл. Сколько можно горбатиться на бездушную систему? Пора и для себя пожить.

– Вот это правильно. Не понимаю людей, которые готовы пахать до скончания века. Получается, они только этим и живут. Всё остальное как будто не существует. Но этого так мало для полноценной жизни. Вы только представьте, сколько осталось непрочитанных книг, непросмотренных фильмов, сколько еще можно посетить мест, куда не было возможности выбраться. Я вот только недавно посетила океанариум в первый раз, какие там красивые рыбы! Пенсия – это замечательное и светлое время, чтобы, как вы правильно выразились, пожить для себя! Скажите, вы сильно заняты сейчас?

– Ну, не особо, мне надо бы разобраться с многофункциональным турником.

– Я могу чем-то вам помочь?

– Знаете, думаю, это дело далеко не первой необходимости. В общем, я свободен.

– Тогда предлагаю поехать ко мне на дачу, это совсем рядом, я на своей машине. Посидим, чаю попьём, мне надо соленья вывезти, но и это, как вы говорите, дело не первой необходимости. Только не пугайтесь, я не всех подряд зазываю, мы же всё-таки не совсем чужие люди.

В шведской печке гудело и полыхало пламя, тепло медленно плыло по дому, заботливо обнимая сначала за ноги, потом, чуть позже, за плечи. За окном суетились и чирикали птички, шелестя листвой деревьев, Селиванов и Светлана Николаевна пили чай с малиновым вареньем на кухне аккуратного домика, окрашенного яркой «Тиккурилой».

– Мир так обманчив, вот кто-то думает, что успех приносит счастье. Ну, допустим, писатели, сколько их, бедняг, разочарованных во всём, Хемингуэй, Ричард Бротиган, – Светлана Николаевна выглядела свежо и нарядно для обычной пенсионерки, подметил Селиванов. Она продолжала говорить про горемык писателей и поэтов, а он смотрел, как вечернее солнце мягко подсвечивает её ухоженные волосы. Многие пенсионерки завернут узел на затылке, да и побежали. А тут и серьги подобраны красиво, с камешками красными, и ничего лишнего, а то намажут теней и пудры – хоть в огород выставляй ворон пугать.

– Да-да, согласен с вами полностью! Вот ещё знаменитые телеведущие, как Иван Ургант, например. Тоже из неуравновешенных. Нам кажется, что они живут как в раю, всегда веселятся да балагурят, а они берут и вешаются в коптильнях. Это так безответственно.

– Да вы что, Ваня Ургант повесился? – Светлана Николаевна охнула и уронила на пол клетчатое полотенце.

– Нет, нет! – Селиванов поднял руки, как будто сдаваясь, – с ним всё хорошо, это я так, образно.

– А, ну если образно, то да. Согласна, – выдохнула она с облегчением.

– Светлана Николаевна, я вот вижу, уже вечереет. Может, будем собираться потихоньку домой? Мне вот с турником бы надо разобраться.

– Так ведь хорошо сидим, про культуру говорим.

– Это да, сидим прекрасно!

– Да и турник я ваш собрала.

– Когда ж вы успели?

– Пока вы так сладко дремали в кресле. Так что давайте наслаждаться прекрасным вечером. Я ужин приготовлю, наварю картошки, котлеток пожарю. Ну его, этот город, к чёрту!

Селиванову совсем не хотелось сопротивляться напору Светланы Николаевны. Он так давно не чувствовал по отношению к себе заботы и внимания, исходящего от кого-либо. Радовался даже случайно залетевшей в форточку мухе. А тут чай, котлеты, тепло шведской печки и женщина, которой он явно небезразличен. Его даже не задело, что у неё получилось собрать этот треклятый турник, а у него нет.

— Кстати, чуть совсем не забыла, вы слышали, что на Мастакова гиена напала?

— Да вы что!

— Да! Представляете! Вот как можно себе такое представить, чтобы в России на тебя напала гиена?

— Это на товарной станции, что ли? — под Селивановым волнительно заскрипело плетёное кресло.

— Нет, в цирке! Откуда же ей взяться на товарной станции?

— Но у нас нет цирка!

— Так из Москвы приехал на гастроли. Уж две недели у них там шимпанзе на велосипедах катаются.

— А точно на Мастакова гиена напала, а не на кого-то из руководства товарной станции?

— Далась вам эта товарная станция, говорю же, в цирке гиена напала на Мастакова! В больницу увезли, может, откусила чего-ни-

будь. В новостях сказали, пока вы спали, — она махнула полотенцем в сторону телевизора.

— Удивительно! — Селиванов уставился в скатерть, разрисованную яркими цветами.

— Так вот и я о чем! — воскликнула Светлана Николаевна, переворачивая громко скворчащие в раскалённом масле котлеты.

— Если и откусила чего, то пришьют, врачи у нас хорошие, — Селиванов откинулся на спинку кресла и вдруг поймал себя на мысли, что ему больше не хочется идти на работу. Хоть волоком тащи, а не хочет. Как рукой сняло. Вот позвони сейчас человек из руководства, скажи, что будет теперь Селиванов заправлять товарной станцией. Откажется! Точно откажется. Не надо этой милости даром! Пора жить для себя! Ну, не только для себя, а может быть, ещё для Светланы Николаевны, которая продолжала что-то говорить, размахивая деревянной лопаткой. Как будто в подтверждение этим размышлениям вдали послышался прощальный гудок тепловоза, тонкий и долгий, подводящий черту. На экране телевизора бодрый и моложавый Игнат Степанович в окружении молодых девиц висел на турнике, улыбаясь яркой и фальшивой улыбкой.

«Излучаем свет, мыслим и действуем активно, не ждём у моря погоды! Пора жить для себя!»

□

Владимир Иванович РУДАК

родился в 1968 году.

Прозаик, музыкант, кинорежиссер.

Публиковался в журналах «Север», «Новая юность», «Южная звезда», «Лампа и дымоход», «Carelia».

Автор книг «Я — слон!» (2017), «Вечный сахар» (2009),

«Единственная стрела» (2014).

Рассказы и повести переведены на финский и немецкий языки.

Лауреат национальной премии имени Елены Мухиной

в номинации «И слово отзовется...».

Графический роман «Я — слон!» включен в список лучшей

мировой литературы для детей и подростков по версии

мюнхенской премии «Белые вороны».

Член Союза молодых писателей Карелии.

Живет в Петрозаводске.

